

Э. И. Мишутина*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА КАК СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Рассматривается не исследованная в гражданском процессуальном праве проблема правовых ценностей данной отрасли. Автор определяет аксиологические основы деятельности суда как основного субъекта гражданских процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: аксиология права, гражданские процессуально-правовые ценности, суд, аксиологические основы

В настоящее время значительно возросло количество дел, разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства. Реализуя судебную реформу и вводя новеллы в гражданское процессуальное законодательство, государственные органы должны четко представлять себе те ценности, которые должно охранять правосудие по гражданским делам. Только в этом случае можно говорить об эффективности гражданской процессуальной политики и судебной деятельности.

Вместе с тем гражданские процессуально-правовые ценности как аксиологические основы гражданского судопроизводства проявляются в деятельности субъектов соответствующих правоотношений. Они не только составляют содержание, но и обуславливают, направляют деятельность субъектов. Претворяя в жизнь такие аксиологические детерминанты, субъекты наиболее полным образом реализуют цели своей деятельности.

Суд – обязательный участник гражданских процессуальных правоотношений. Он руководит процессом, именно от его действий зачастую зависит достижение цели гражданского судопроизводства, утверждение высшей ценности. Следовательно, суд руководствуется определенными ценностями-средствами на пути к указанной цели. Думается, что гражданскими процессуально-правовыми ценностями, лежащими в основе деятельности суда и ее детерминирующими, выступают справедливость, эффективность и порядок.

Безусловно, данные категории обширны и многоаспектны, поэтому не представляется возможным охватить их в полном объеме. Полагаем, что справедливость – единственная абсолютная гражданская процессуально-правовая ценность. Вследствие этого другие ценности выступают по отношению к ней как средства. Причем зачастую такой баланс между справедливостью и иными ценностями создается именно судом.

Данное утверждение находит подтверждение в законодательстве. Например, в соответствии со ст. 6 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан независимо от каких-либо признаков. Из этого, в частности, вытекает положение о равных правах и равных обязанностях в сфере доказывания: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений» (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ), а суд лишь руководит процессом и в определенных случаях истребует доказательства по инициативе сторон. Однако по делам, возникающим из публичных правоотношений, происходит перераспределение обязанностей по доказыванию, и суд уже может по своей инициативе истребовать доказательства (ст. 249 ГПК РФ).

* Мишутина Элеонора Игоревна – аспирант кафедры гражданского процесса Саратовской государственной академии права (Саратов). E-mail: elli-m@mail.ru.

С одной стороны, нарушается равенство, выступающее одной из основополагающих ценностей. Но с другой — справедливость как ценность имеет абсолютный характер; защита граждан, не наделенных властью, в делах, вытекающих из публичных правоотношений, приоритетна, поскольку справедливость важнее равенства.

Ценность эффективности направлена на наиболее действенное достижение цели гражданского судопроизводства. Под данной ценностью В. Берутович понимала достижение «цели в виде предоставления правовой охраны для подверженного опасности или нарушенного правового интереса путем конкретизации в данном фактическом состоянии определенной формы материального права и создания основы для применения в случае необходимости средств государственного принуждения»². На связь эффективности и цели было указано и Конституционным Судом: «Правосудие признается таковым лишь при условии, что оно... обеспечивает эффективное восстановление в правах»³. Не вызывает сомнения, что такое достижение цели было ценностью на протяжении всего существования гражданского судопроизводства, иначе бы потребности в осуществлении правосудия по гражданским делам просто не возникало. Следовательно, рассматриваемая ценность носит надысторический характер.

Примером этого в гражданском судопроизводстве может служить положение о невозможности получения правовой защиты при предъявлении тождественного иска. Эта норма уходит корнями в римское частное право. Гай (4. 108) говорит: «*Nam qua de re actum semel erat de ea postea ipso iure agi non poterat*» (ведь дело, по которому один раз произведено было разбирательство, в силу самого закона не могло впоследствии рассматриваться вновь). Квинтилиан передает это правило в такой формулировке: «*Bis de eadem re ne sit actio*» (дважды по одному делу недопустим иск)⁴. В отечественном законодательстве эта норма, в частности, нашла воплощение в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г., п. 3 ч. 2 ст. 129 ГПК РСФСР 1964 г. Сейчас она закреплена в п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ: «Судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон».

Необходимо отметить универсальность ценности эффективности, проявляющейся на различных стадиях гражданского судопроизводства и во многих его институтах⁵.

Кроме того, один из признаков данной ценности — ярко выраженный рестриктивный характер. Эффективность предполагает предоставление только определенных прав, следование форме в строго ограниченных пределах, при которых возможность злоупотребления правами участниками процесса сводилась бы к минимуму. Это выражается и в требовании своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел, и в норме ч. 2 ст. 362 ГПК РФ, не допускающей отмену правильного по существу решения суда по одним лишь формальным соображениям, и в ограничении принятия судом кассационной инстанции новых доказательств (ч. 2 ст. 339 ГПК РФ) и др. Одно из проявлений ценности эффективности — принцип процессуальной экономии.

Таким образом, задачи ценности эффективности заключаются в недопущении затягивания и необоснованного возобновления судебного разбирательства, злоупотребления сторон своими процессуальными правами, экономии в использовании средств судебной защиты, т. е. в «недопущении неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов для нового рассмотрения дела»⁶ и в обеспечении защиты лиц, чьи права были нарушены или оспорены, правильным судебным решением. На важность эффективности правосудия как одного из условий реальной защиты прав и свобод человека и гражданина указывал Конституционный Суд РФ, уточнив при этом, что эффективность является универсальным требованием и распространяется на все виды судопроизводства. Далее суд отметил, что само право на судебную защиту

подразумевает право не только на справедливое, но и на эффективное судебное разбирательство⁷.

Тем не менее, несмотря на огромное значение, рассматриваемая ценность не получила должного закрепления в гражданском процессуальном законодательстве. Примером может служить неразработанная процедура раскрытия доказательств и ответственности за несоблюдение этой обязанности, безнаказанность злоупотреблений процессуальными правами (чаще всего компенсируется только фактическая потеря времени). Вместе с тем и предусмотренные законодателем меры применяются судьями лишь в редких случаях. Так, вышестоящие суды указывают, что «безразличное отношение судей к подобным ситуациям является недопустимым... Меры процессуального реагирования судей на недобросовестное поведение участников процесса необходимы... в целях повышения эффективности гражданского судопроизводства»⁸.

Кроме того, достаточно слабо регламентирована такая составляющая эффективности, как оперативность гражданского судопроизводства. «Оперативность состоит... в минимальной длительности, необходимой для овладения благом»⁹. В правовых нормах, указывающих на сроки, присутствуют не конкретные цифры, а оценочные понятия («достаточность» в ч. 3 ст. 113, «разумность» в ч. 1 ст. 136). В ряде случаев вообще отсутствует указание на срок или способ его определения. Так, в ст. 128 ГПК РФ не установлен срок вручения копии приказа должнику, соответственно не ясно, что считать началом 10-дневного срока предоставления возражений об исполнении. В итоге судебный приказ может вступить в силу через неограниченный период времени, что сводит на нет эффективность данного способа судебной защиты.

Все это негативно сказывается на претворении в жизнь ценности справедливости, на реализации права на судебную защиту.

Специфика рассматриваемой ценности заключается в том, что контроль за ее достижением возможен только при наличии властных полномочий (например, по привлечению к ответственности). Если, например, свобода, консенсус могут (должны) быть инициированы сторонами, иными лицами, участвующими в деле, то полномочия и обязанность по утверждению эффективности целиком и полностью принадлежат суду. Конечно, суд в таком случае ограничен законодательными возможностями и действиями сторон, но концепция гражданского процессуального законодательства, согласно которой возможно утверждение ценности эффективности лишь одного участника гражданского судопроизводства, снижает вероятность претворения данной ценности в жизнь.

В настоящее время наблюдается тенденция к включению в число субъектов, имеющих возможность способствовать активными действиями достижению эффективности гражданского судопроизводства, сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Это связано с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹⁰. Положительны появление такого нормативного правового акта, его концепция. Однако реализуемость его положений, т. е. достижение эффективности гражданского судопроизводства, вызывает сомнения, поскольку разумный срок не совпадает со своевременностью рассмотрения дела. Так, из подп. 2 п. 5 ст. 3 указанного Закона вытекает, что продолжительность рассмотрения дела может составлять до трех лет без возможности подачи заявления о компенсации при определенных условиях. Таким образом, на данном этапе включение сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в число субъектов, утверждающих ценность «эффективность», иллюзорно. А положение, что гражданскую процессуально-правовую ценность реализует только один субъект (в рассматриваемом случае суд), сводит ее функционирование на нет.

Совершенно иное выражение по своей сущности получила гражданская процессуально-правовая ценность «порядок», которая выражается в гражданской процессуальной форме. Представляется, что суд — основной субъект, утверждающий эту ценность, но и иные участники гражданского судопроизводства призваны претворять ее в жизнь. Вследствие этого лица несут ответственность за посягательство на данную ценность в виде применения фиктивной ответственности (ч. 3 ст. 79, ст. 118 ГПК РФ), мер защиты (ст. 159 ГПК РФ), мер гражданской процессуальной (ст. 134–135, ч. 1 ст. 324, ч. 1 ст. 328, 334, 342, 361, 374, 390 и др. ГПК РФ) и иных видов ответственности (ст. 307, 308 УК РФ) и т. п. Благодаря такой ситуации ценность «порядок» получает должный статус в системе гражданского процессуального законодательства, что является одной из важнейших предпосылок для наиболее полной ее реализации.

Подводя итог, необходимо отметить, что надлежащее применение ценностей в деятельности суда, детерминированность этой деятельности аксиологическими основами будут способствовать достижению таких целей, как укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду, защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

¹ Law, Values and Charity Brisbane. 2001. P. 1.

² Берутович В. О понятии основных принципов гражданского процесса // Вопр. развития и защиты прав граждан: межвуз. тематический сб. Калинин, 1977. С. 96.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 3-О по жалобе ООО «Мемфис Дивижн» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 185 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1165.

⁴ Новицкий И. Б., Претерский И. С. Римское частное право: учеб. М., С. 40–41.

⁵ Об эффективности при применении обеспечительных мер см., например: О применении арбитражными судами обеспечительных мер: постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55 // Вестн. ВАС РФ. 2006. № 12.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы // ИПС «Гарант».

⁷ Там же.

⁸ Обзор кассационной практики и анализ причин отмены судебных постановлений по гражданским делам судов Тульской области в кассационном порядке в 2007 году // ИПС «Гарант».

⁹ Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985. С. 103.

¹⁰ СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.